

Как только стихли последние слова, молодой человек исчез с лезвия, оставив Пескровбаша наедине с собственным отражением.

Исхудавший птицелюд скованным движением вложил кинжал обратно в кожаные ножны, надел защитные очки — и тут же заметил, как по стеклу скользнула бледная тень.

Пескровбаш снова замер, и в его сознание хлынуло нетерпеливое побуждение, не принадлежащее ему самому.

Поняв, кто на этот раз его торопит, он окончательно окаменел лицом и, действуя лишь на инстинктах, закусил загубник и прыгнул в воду.

Оказавшись под водой, он нащупал на скале кнопку и хлопнул по ней ладонью.

Гул воды резко усилился: ворота, ведущие в жилую зону, с грохотом опустились, внешнее море хлынуло в скрытую гавань, и две пришвартованные у причала подлодки закачались под напором.

Пескровбаш мёртвой хваткой вцепился в поручень трапа, чтобы его не унесло течением. Он выждал несколько минут, пока вода полностью не заполнит тёмную гавань и поток не утихнет, и лишь тогда отпустил поручень, заработал ластами и поплыл к открытому выходу.

В беспросветной воде царила кромешная тьма.

Это было совсем не похоже на подводные документальные фильмы, которые когда-то смотрел Линь: там съёмки велись днём, яркий солнечный свет пробивался сквозь толщу воды, окрашивая море в сине-лазурные оттенки, а дно — в пёструю россыпь красок.

Здесь же, в мире без электричества и огня, вдали от любого источника света, существовала лишь тьма — бескрайняя, вечная тьма.

В холодной, чёрной воде Пескровбаш не мог позволить себе держать фонарь включённым постоянно. Их убежище хоть и находилось на окраине подводного горного массива, но было слишком близко к Пещере Тёмного Моря: даже если рядом и не пролегали безопасные маршруты, что, если какой-нибудь культист из скуки решит проплыть сюда?

Свет мог выдать пещеру, где скрывались беглые рабы, поэтому Пескровбаш включил фонарь лишь на выходе, чтобы свериться с направлением, а затем погасил его.

Дальше он держался этого ритма: проплыть отрезок, на мгновение включить свет, сразу выключить — и по увиденному мимолётно двигаться дальше.

Если бы на его месте был Линь, тот наверняка потратил бы уйму времени, кружась на одной точке, и израсходовал бы большую часть воздуха в баллоне — да, именно воздуха: в аквалангах использовался не чистый кислород, а сжатый воздух, — прежде чем сумел бы хоть примерно сориентироваться.

Но Пескровбаш изменил направление всего дважды; дальше, каждый раз включая свет, он лишь слегка корректировал курс и уверенно плыл к одной определённой цели.

У него не было ни звёздного ориентира, ни компаса.

Значит, рельеф вокруг тайного убежища он знал наизусть.

Именно поэтому Линь и выбрал его.

Да, юный бог, конечно, мог восстановить путь к Пещере Тёмного Моря, заглянув в глаза беглых рабов, но, оказавшись на этом маршруте, он никогда не смог бы принимать решения так же быстро и уверенно, как Пескровбаш.

По правде говоря, Линь в тёмной воде вообще ничего не видел.

Сейчас ему и не требовалось видеть: он вслушивался в звук движений Пескровбаша, сверяясь с найденной картой и прикидывая, где тот находится, между делом задумываясь о странной вещи.

«А дикие гуси умеют плавать?»

У ансерских птицелюдов были черты диких гусей... А гуси относились к утиным, поэтому то, что этот худой мужчина плавал быстро и уверенно, в общем-то, не удивляло.

Линь кивнул и стал молча ждать.

Спустя более часа скорость Пескровбаша снизилась.

Даже с учётом того, что физические возможности зверолодов этого мира значительно превосходили земные, после столь долгого сосредоточенного плавания усталость всё же дала о себе знать.

Когда они бежали из Пещеры Тёмного Моря вместе со всеми, он плыл дальше и дольше — и не чувствовал усталости. Почему же сейчас он выдохся так быстро?

Из-за страха? Страх одиночества, подтачивающего его состояние?

Хотя... сам Пескровбаш не был уверен, можно ли сейчас его назвать одиноким.

«Наедине... с богом?»

Едва эта почти шутливая мысль мелькнула в его голове, он тут же оборвал её.

Лысый птицелюд знал: Око Зазеркалья умеет читать мысли. Поэтому всё это время он старался не позволять себе лишних размышлений.

Но чем сильнее он пытался себя контролировать, тем хаотичнее становились его мысли. Теперь, когда цель являлась почти достигнутой, Пескровбаш вспоминал весь свой сумбур в голове, и ему хотелось просто врезаться лбом в камень гребня и покончить с собой.

И это тоже была нелепая мысль — его жизнь больше не принадлежала ему.

Он снова пресёк поток размышлений, выровнял дыхание и осторожно прижался к скале, укрывшись за выступом.

Подождав немного и убедившись, что слышен лишь шум воды, он осторожно высунулся, включил фонарь и осветил пространство за гребнем.

Неподалёку напротив тянулся ещё один хребет.

Два хребта шли параллельно, образуя бездонное ущелье.

Серебристые косяки рыб, патрулирующие глубину, отразили холодный свет фонаря, и Пескровбашу почудилось, будто на него уставились десятки серебряных глаз. Он испуганно погасил свет.

Лишь выключив фонарь, лысый птицелюд осознал, что сделал. Проживший в городе, он знал: для некоторых фанатиков такое поведение уже считалось бы святотатством — даже если это была всего лишь игра света, следовало бы поклониться серебряным глазам. От этой мысли его охватила тревога.

Понимая, что Пескровбаш вот-вот снова погрязнет в панике, Линю пришлось вмешаться:

— Ты стал дышать чаще. Воздуха не хватит.

Прошло ещё несколько секунд, и Око Зазеркалья добавил:

— А если будешь задерживать дыхание, то задохнёшься.

Только тогда Пескровбаш вернулся к более ровным вдохам и выдохам. Его разум опустел, страх полностью парализовал мышление.

Линь тихо вздохнул — так, чтобы птицелюд этого не услышал, — и продолжил ждать.

За гребнем они прождали почти ещё полчаса. Когда в заторможенном мозгу Пескровбаша начала закрадываться мысль, что воздух в баллоне вот-вот закончится, цель наконец появилась.

Подлодка, беспечно идущая с включённым на полную мощность прожектором, приблизилась к ущелью.

И вместе с этим — к укрытию Пескровбаша.

То есть — к Оку Зазеркалья.

Свет рос, и когда в линзах защитных очков птицелюда отразилась сама подлодка, Линь бесшумно прыгнул и оказался на её корпусе.

Через перископ он легко проник внутрь, обошёл по кругу многочисленные зеркальные поверхности и за считанные мгновения определил: на борту — культисты Тёмного Солнца.

Одновременно юный бог выяснил и их численность, и расположение каждого.

«В этом мире лучшего разведчика, чем я, просто не существует», — Линь мысленно похвалил себя, появляясь на одном из приборов в рубке.

За штурвалом был всего один человек.

До прибытия в Пещеру Тёмного Моря ещё оставалось время, так что остальные культисты находились в жилом отсеке.

«Прекрасно. Очень удобно».

Око Зазеркалья на приборе посмотрел на рулевого. Не требовалось ни жестов, ни слов, ни прицеливания — хватило лишь одного ментального приёма.

«Подчинение разума».

— Открой внешний шлюз, — приказал Линь.

Рулевой послушно нажал несколько кнопок, и вскоре послышался шум поступающей воды.

В это время Линь уже находился в жилом отсеке и применял второй ментальный приём к культистам, игравшим в карты, и к тем, кто за ними наблюдал.

«Массовое запутывание разума».

Заклинание позволяло им слышать шум воды, но не позволяло осознавать его. В их восприятии просто не существовало факта открытия внешнего шлюза.

И потому Пескровбаш, выглянувший из-за гребня по сигналу, широко распахнул глаза, увидев, как подлодка продолжает движение, одновременно открывая верхний люк.

— Входи, — снова раздался тот самый голос из глубины души.

Теперь у птицелюда уже не возникло ни тени сомнения.

Он вплыл внутрь. Люк автоматически закрылся, уровень воды стремительно начал падать.

Через несколько минут вода полностью ушла. Пескровбаш отпустил загубник, снял ласты, вдохнул свежий воздух и увидел, как перед ним открывается внутренний люк, обнажая лестницу вниз.

Мокрый с головы до ног, он ухватился за поручни и спустился внутрь подлодки, оказавшись в коридоре.

Едва он успел устойчиво встать, как навстречу ему вышел культист в сером одеянии — с выбритой головой и татуировкой Тёмного Солнца на лбу.

Пескровбаш инстинктивно хотел отступить и спрятаться, но было уже поздно.

Культист его увидел. Рука птицелюда легла на рукоять кинжала — он решил ударить первым.

Но едва он вытащил клинок наполовину, культист, не обращая на него ни малейшего внимания, прошёл мимо, глядя прямо перед собой.

Пескровбаш:

— ...

Пескровбаш:

— ?

Совершенно сбитый с толку, он услышал голос Ока Зазеркалья:

— Следуй за ним. Он идёт в кладовую. Там ты сможешь попить и поесть.

Пескровбаш, снова не найдя слов, послушно двинулся вслед.

Они один за другим шли по коридору. Проходя мимо одного из отсеков, птицелюд увидел внутри людей, играющих в карты.

Несколько игроков и зрителей услышали шаги и обернулись к двери.

Рука Пескровбаша вновь легла на кинжал, но он с изумлением заметил: взглянув на культиста-проводника, они тут же отвели глаза, не обратив ни малейшего внимания на него — стоящего прямо за ним, в гидрокостюме, с баллоном за спиной и ластами в руках.

В полном замешательстве худой мужчина продолжил идти и вскоре оказался в кладовой.

Проводник развернулся и ушёл. Сильно проголодавшийся птицелюд, не задумываясь, схватил яйцо, разбил и проглотил его сырым, затем взял второе, нашёл на кухне по соседству индукционную плиту, поставил кастрюлю и начал варить.

Лишь когда он засыпал в кипяток крахмальную лапшу, его оцепенение начало сменяться шоком.

Он не считал себя каким-нибудь наивным простаком — и потому потрясение оказалось ещё сильнее.

Мощь.

Какая же это была мощь.

И, в отличие от жестоких, оторванных от мира тёмных богов, владыка снов находился слишком близко к людям. Именно это всю дорогу и пугало Пескровбаша, заставляя его метаться в мыслях.

«Но разве плохо, что бог близок к людям?»

Мысль изменилась. Он вдруг понял, что это, наоборот, хорошо.

Иначе какой бог, отдавая приказы верующим, стал бы помнить, что они голодны?

«Даже если это тёмный бог — это бог, которого стоит почитать!»

Пескровбаш не знал, что в этот самый момент в божественном царстве Линь с облегчением выдохнул.

Он ощущал колебания осквернения и более чем сорок лучей света, падающих на него издалека — куда более слабых, чем у Фельдграу. Он протянул руку и сжал световую ленту, связывавшую его с этим беглым рабом.

Да, не недостижимый луч, а именно ленту — ту, что возникла, когда Линь впервые напрямую обратился к Пескровбашу, пусть и всего одним словом.

«Вот оно как... Вот почему Шесть Божественных Столпов так редко напрямую отвечают на молитвы».

Ответ на молитву превращал одностороннюю веру и понимание в двустороннюю связь. По мере углубления этой связи верующий получал от божества зёрнышко магии и становился служителем.

В случае тёмного бога такой служитель неизбежно будет осквернён и постепенно утратит человечность.

Даже для Божественных Столпов увеличение числа служителей означало рост риска осквернения.

Линь сжал новую световую ленту: Пескровбаш наконец начал по-настоящему верить в него. Связь уплотнилась, передача скверны упростилась, но в то же время сам лысый птицелюд, как другая сторона ленты, стал устойчивее, и удерживать эту связь оказалось легче, чем Линь ожидал.

Линь мысленно кивнул и почувствовал, что месса с другой стороны уже завершилась: лучи света от более чем сорока беглых рабов ослабли, но не исчезли.

Этого было достаточно — достаточно, чтобы при использовании заклинаний он не задействовал магию с примесью скверны.

Юный бог, немного расслабившись, наблюдал, как Пескровбаш наедается, убирает следы на кухне и дальше уже сам проявляет инициативу: без приказа Линя он украл — или, точнее,

демонстративно забрал — немного одежды, сменил рабское облачение и замаскировался.

Лысый птицелюд даже нашёл косметику на койке одной из культисток и припудрил лицо, пытаясь скрыть знак половины луны.

Линь ощущал, что отношение Пескровбаша к Оку Зазеркалья стало куда более активным: теперь это был не вынужденный выбор.

Более того, проходя мимо зеркальных поверхностей, беглый раб задумывался — а не сможет ли он стать служителем Ока Зазеркалья?

«Новорожденный бог... Церковная структура с нуля... Ранние последователи легко получают власть и простор для действий... Если основное общество не примет рабов — или не всех... Тогда второй путь...»

Мысли Пескровбаша зашли так далеко.

Точь-в-точь как мужчина, который, встретив понравившуюся девушку, за одну секунду успевает в голове прожить свадьбу и рождение детей.

Это было даже неплохо. Жаль лишь, что у Линя пока не имелось второго «слота» для слуги.

«Не давай обещаний», — напомнил себе Линь. В реальности он достал документ, связанный с ритуалами, и снова углубился в чтение, продолжая ждать.

Подлодка двигалась куда быстрее, чем Пескровбаш плавал. Спустя два часа они приблизились к Пещере Тёмного Моря.

Через перископ Линь впервые собственными глазами увидел этого колосса, сокрытого в глубине подводных гор.

<http://bllate.org/book/12612/1416950>